

В. А. Конев²

ДВА ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВА СОВРЕМЕННОСТИ: ВЫЗОВ ГОСПОДСТВА И ВЫЗОВ СВОБОДЫ

Среди многочисленных вызовов современности можно особо выделить два действительно глобальных, которые условно обозначены как вызов господства и вызов свободы. Первый вызов обращен к народам и государствам, второй — к конкретному индивиду.

Отношения господства как доминирования того или иного народа (или государства) над другим народом (или государством) были ведущим типом отношений в истории. Войны и имперские устремления определяли главные события мировой истории. Но до XX века в эти отношения, хотя они и были распространены по всей ойкумене, вовлекались, как правило, народы и государства, соседствующие друг с другом. Сфера господства была ограничена техническими возможностями распространять свое влияние на определенное географическое пространство. Ойкумена была расцвечена как лоскутное одеяло локальными сферами влияния.

² Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор 270 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского “Символ и сознание”», «Метрика пространства человеческого бытия», «Три постулата философии ценностей» и др.

Топология господства зависела от географии и техники преодоления пространства.

Тогда, когда существенно изменилась транспортная инфраструктура, позволившая быстро (иногда почти мгновенно) перемещать людей, вещи, информацию и капиталы в любую географическую точку, не могли не измениться и отношения господства. В условиях транспортной и информационной глобализации локальный тип господства стремится трансформироваться в глобальный. История международных отношений XX века показала, что войны стали *мировыми*, что *мировой* порядок требует усилий, если не всех, то всех экономически и политически влиятельных государств. Поэтому после Первой мировой войны создается Лига наций — первая попытка регулирования глобального порядка, оказавшаяся неудачной, а после Второй мировой — Организация Объединенных Наций, которая благодаря принципу единогласия пяти великих держав (СССР, Китай, США, Англия, Франция) сумела создать достаточно благоприятные условия для стабилизации мирового порядка.

В этих условиях отношения господства модифицировались в отношения уравнивания сил, что выразилось в «мирном сосуществовании двух социально-экономических систем» и возникновении двухполяр-

ного мира. Однако «мирное сосуществование» основывалось отнюдь не на сотрудничестве и диалоге, а на изоляции систем друг от друга и на противостоянии сил.

Известные события конца 1980-х — начала 1990-х годов (обсуждение причин которых не является предметом данного доклада) ликвидировали один из полюсов противостояния, тем самым разрушив ситуацию сосуществования в условиях «равновесия сил» и снова открыв простор для возрождения на мировой арене отношений господства. Но теперь уже лидером, утверждающим свое господство, становится только один полюс. В течение последних десятилетий, опираясь на очевидное превосходство в креативных секторах экономики, благодаря развитию современных наукоемких технологий Соединенные Штаты Америки к своему военному потенциалу добавили информационный потенциал господства, позволяющий незаконно контролировать мировые потоки информации. Опираясь на эти ресурсы, США, как показывают события последнего года, стремятся установить свою гегемонию в международных отношениях.

Этот вызов реставрации отношения господства—подчинения в геополитическом масштабе ставит перед народами и государствами задачу — найти адекватный данному вызову ответ. Совершенно очевидно, что таким ответом со стороны Российской Федерации (а именно наша страна стала главным объектом атаки со стороны США при стремлении установить свою геополитическую гегемонию) не может быть возвращение к ситуации холодной войны середины XX века и попыткам создать некий противостоящий США военно-политический центр. Реальная глобализация всех сфер жизни современного общества просто не допускает возможности проведения линий изоляции. Вероятно, единственно возможный ответ в этой ситуации — необходимость осознания народами и государствами солидарной ответственности за все последствия их действий. Как этот ответ воплотить в жизнь — это дело политиков, конкретных людей и элит, принимающих государственные решения. Но ясно одно, что такой ответ должен основываться на новых отношениях политики и этики, на обязательном включении этики в политику. О настоятельной необходимости этого включения свидетельствуют последние события на юго-востоке Украины.

И здесь я хотел бы обратиться ко второму глобальному вызову современности, который был назван вызовом свободы. Если отношения господства складывались прежде всего в сфере взаимодействия общественных групп различной природы, то отношения свободы выстраивались в действиях конкретных личностей. При всем многообразии толкований этого понятия «свобода» всегда рассматривалась как характеристика действия человека, указывающая на то, что источник этого действия укоренен в человеке, который действует. Свобода выражается в способности человека самостоятельно принимать решения, в возможности проявления свободной воли. Свободное действие человека порождает особую зону внутри общественных отношений, которая освобождает человека от существу-

ющих в социальной среде зависимостей и противопоставляется отношениям господства. Эта зона и является областью отношений свободы.

В чем смысл отношений свободы?

Отношения свободы — это отношение человека к самому себе, отношения, в которых утверждается личностный статус индивида и его индивидуальность. В этом случае происходит изоляция индивида от окружения, так как индивидуальность как неделимость основана на том, что личность, обладающая уникальностью и неповторимостью, не делит ни с кем и ни с чем свой мир, свою сущность. Монада (а это и есть полная онтологическая природа индивидуальности) не имеет ни окон, ни дверей, открытых в мир вне ее. Она является самодостаточным бытием. Но тогда неизбежно возникает коллизия между социальностью, общностью и индивидуальностью, отдельностью, отделенностью от общего. Отношения свободы, рождающие индивидуальность, всегда были вызовом социальному, которое основывалось на общем и типичном. Разрешением этой коллизии, ответами на вызов свободы оказывались найденные культурные формулы — человек и Судьба, человек и Бог, человек и Разум: “*Sapere aude!*” — имей мужество пользоваться *собственным* умом, как определил Кант сущность Просвещения. Эти культурные формулы задавали условия определения личности и ее траектории жизни при признании неизменности и независимости от конкретного человека второго члена оппозиции — Судьбы, Бога, Разума. В отношении именно этого второго члена оппозиции выстраивалась всякая оценка свободного деяния человека.

Просвещенческая культура, выросшая из ренессансного признания значимости интересов и привязанностей человека, закрепившая его право на личную инициативу и способность самостоятельного постижения истины, в конечном счете в индустриальном обществе закрыла человека экраном вещей, знаков и институций. Общество и культура модерна подчинили человека дисциплине труда, языка и тела. Отчуждение, доведенная до кафкианского абсурда рациональность бюргерского существования обезличивают человека, и человеку, осмысленному в границах труда, жизни и языка и растворенному в них, грозит исчезновение, «как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» (М. Фуко).

Кардинально меняется ситуация в современных условиях. Индивидуальность ворвалась в жизнь: каждый человек стремится культивировать ее в себе даже тогда, когда этот культ становится модой; каждый старается обустроить жизнь по-своему даже тогда, когда она выстраивается из стандартных вещей. И если волны времени смыли общий профиль человека, начертанный универсальной рукой Просвещения на песке истории, то вместо него перед взором каждого вдруг объявилось огромное количество лиц — селфи (*selfie*), которые моментально рисуются с помощью различных гаджетов на виртуальном полотне Инета. Пусть это модное увлечение, пусть это «пена» на поверхности жизни, но, как утверждали диалектики, и «пена есть выражение сущности». А сущность в том, что индивидуальность

не только стала ценностью, но и получила возможность заявить о себе в культурном пространстве.

Современная эпоха отнюдь не отказывается от призыва Канта. Напротив, именно "*Sapere aude!*" становится лозунгом нынешней эпохи. Но теперь *личное*, а не *публичное* применение разума завоевывает сферу мысли. Современная эпоха перестала быть монологичной, когда в культуре звучал только один голос — голос разума, и истина для всех была одна. Наша эпоха — это эпоха диалога и плюрализма. Парадоксальность нынешнего времени в том, что, несмотря на рост цивилизационной стандартизации, экономической и информационной глобализации, в культуре утверждается приоритет случая, игры, ситуативности и индивидуализации. В этих условиях *sapere aude* открывается другой стороной — стремись *понимать* (*sapere* = быть мудрым, понимать). В нашу эпоху мыслить самостоятельно значит видеть и понимать разнообразие, понимать *смысл*, который у одной и той же истины может быть различным. Утверждается логика смысла, которая управляет сферой личностного применения разума. Если мысль классической эпохи *modern age* нашла отражение в «Науке логики» Гегеля, то мысль современного состояния культуры ищет свое отражение в «Логике смысла» Делеза.

В таком случае возникает новая культурная формула, задающая условия определения личности и траекторию ее жизни — человек и Смысл (человек в ситуации конкретного события). Но смысл всегда событие, конкретен, он принадлежит индивидуальному сознанию, инициирует личностное действие в *этой* ситуации и конфигурирует сферу свободного действия. И тогда возникает вопрос: если современный человек (человек постиндустриального общества и времени глобализации) определяется своим отношением к смыслу (тем, что и как он принимает и понимает), а смысл не является постоянным (как постоянными были Судьба, Бог и Разум), более того, смысл конституируется самим человеком в конкретной ситуации, то есть ли какой-то объективный, универсальный критерий приемлемости смысла, а следовательно, какой-то объективный, универсальный противовес свободе?

Чем и как общество может ответить на вызов свободы?

Этот вызов с особой остротой ощущается нашим обществом, в котором за последние два-три десятилетия произошли кардинальные изменения во всех сферах жизни — в политике, экономике, социальных отношениях, культуре, образовании, настроениях и ожиданиях, быту и повседневном укладе жизни, ценностных ориентациях и предпочтениях. К тем условиям индивидуальной свободы, которые создает современное цивилизационное развитие, в нашей стране добавились условия переходного периода, когда разрушены опоры старого порядка и еще не созданы основания но-

вого. Когда вихри свободы с особой силой обрушиваются на человека, тогда-то и возникает ощущение, что нет никакой другой опоры, кроме самого мнения человека, его собственных предпочтений, его воли. «Я так думаю!», «Это мое мнение!», «У каждого своя точка зрения!», «Я так хочу!» и так далее — вот наиболее частые аргументы в устах современного молодого поколения. И это, конечно, несомненное достижение современного общественного развития. Но здесь же таится и опасность...

Где основания мнения, возможно ли их согласование, имеет ли воля ограничение?

Такое основание — в самой свободе. Свобода мнения и свобода действия — это последний предел того и другого. *Но тогда именно предел ставит границу свободе.* Свобода основана на *опыте предела*. Поэтому культивирование свободы — это формирование в человеке опыта предела.

Идея предела и трансгрессии рождена культурой постпросвещения и активно осмысливается современной философией в различных ее проявлениях, испытывается современным искусством, практически осваивается службами чрезвычайных ситуаций и т. п. Это тема особого рассуждения, но применительно к обсуждаемой здесь проблеме нужно сказать, что опыт предела — это собственно культурный опыт.

Пространство культуры — это пространство различий, пространство своеобразия, пространство произведений, а не набор тиражированных продуктов. Поэтому освоение культуры — это не просто приобщение к тому или иному содержанию культурных феноменов и артефактов, а овладение самой архитектурной культурного пространства, основанного на границе, на различии и различении. Не искусство само по себе, не религия сама по себе, даже не моральные ценности как таковые, а именно культура, искусство как культура, религия, мораль в их культурном самоопределении; не добро, не красота, а мера, вкус — вот что порождает опыт предела, опыт дозволенного.

Человек как «существо преступающее», по выражению С. С. Хоружего, постоянно нуждается в опыте предела. Вхождение в культуру в современных условиях — это обязательное включение, как выражался В. С. Библер, в горизонтальные и вертикальные связи культур. Культура только тогда становится для меня ясной и, очевидно, только тогда раскрывает весь свой потенциал, когда оказывается в диалоге с другими культурами. На границах культур лучше всего видятся их возможности. Поэтому подлинное овладение своей культурой не может не быть и признанием ценности других культур.

Именно поэтому в конечном счете ответ как на вызов господства, так и на вызов свободы связан с пониманием значимости культуры как таковой, с постоянным обращением к ней и ее потенциалу при принятии решений — и политических, и личностных.